

13
РАССТРЕЛ

4 Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

8 Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

12 Закрыв руками грудь и шею —
вот-вот сейчас пальнет в меня! —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

16 Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнанья
я снова чувствую покров.

20 Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела,
и весь в черемухе овраг.

Берлин, 1927

13
The Execution

4 On certain nights as soon as I lie down
my bed starts drifting into Russia,
and presently I'm led to a ravine,
to a ravine led to be killed.

8 I wake—and in the darkness, from a chair
where watch and matches lie,
into my eyes, like a gun's steadfast muzzle,
the glowing dial stares.

12 With both hands shielding breast and neck—
now any instant it will blast!—
I dare not turn my gaze away
from that disk of dull fire.

16 The watch's ticking comes in contact
with frozen consciousness;
the fortunate protection
of my exile I repossess.

20 But how you would have wished, my heart,
that *thus* it all had really been:
Russia, the stars, the night of execution
and full of racemosas the ravine!

Berlin, 1927

Notes

Lines 17–20. Freudians have found here a “death wish,” and Marxists, no less grotesquely, “the expiation of feudal guilt.” I can assure both groups that the exclamation in this stanza is wholly rhetorical, a trick of style, a deliberately planted surprise, not unlike underpromotion in a chess problem.

“Racemosa” is the name I use for the Russian *cheryomuba*, the “racemose old-world bird cherry,” *Padus racemosa* Schneider (see my commentary to *Eugene Onegin*, vol. 3, p. 11).